

ИСКАНДЕР ДАН

ГОРОД ОСЕНИ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Д17

Почта :
iskanderdan.official@gmail.com
<https://t.me/iskanderdan>

Иллюстратор — *Ирина Белинская*

Дан, Искандер.
Д17 Город осени / Искандер Дан. — Москва : Эксмо, 2025. —
288 с.

ISBN 978-5-04-230861-1

Что делать, если на вас внезапно свалились незаслуженные слава и деньги, а следом — таинственные угрозы, шантаж, анонимные письма и сводящие с ума происшествия? Эти события могли произойти в любом большом городе, но в этой книге мы проваливаемся в осеннюю, насквозь Алматинскую историю, где осторожный и лишенный амбиций журналист Ролан Баев, а также лихая компания его эксцентричных друзей, оказываются в центре загадочной интриги, взбудоражившей все слои городского сообщества. Здесь влажный, наполненный смогом, ностальгией, меланхолией, надеждой и кулинарными изысками город становится одним из главных героев. В светлый мир тонких интеллигентов, язвительных авантюристов, неловких фантазеров, поэтов и неврастеников врывается нечто таинственное, роковое и опасное. Получилось смешное и страшное чтение.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Искандер Дан, текст, 2025
© Ирина Белинская, художественное оформление, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-230861-1

Глава 1

Солнце стремительно скатилось к горизонту, зацепив краем матовые вершины засыпающих гор. Холмы цепочками бежали вверх, в сторону заснеженных ущелий Заилийского Алатау, густо заросших жесткими кустами можжевельника, над которыми нависали тянь-шанские ели, покрытые фиолетовыми комьями снега.

Баев взобрался на холм, с вершины которого открывался невероятный вид на лежащий в низине город, уже начинавший вспыхивать цепочками огней вдоль проспектов и бульваров. Было отчетливо видно, как через улицы и переулки, с площадей, дворов и открытых пространств, утекал тусклый дневной свет, сворачиваясь и рассеиваясь, подобно клубам дыма на сильном ветру. В ноябрьские вечера город становился похожим на блуждающий в тумане призрак: все превращалось в однообразную плотную и рыхлую массу, в которой тонули смутные контуры людей и автомобилей, исчезали звуки, а фонари лишь подчеркивали свинцовую безысходность и грусть. А когда приходили синие осенние ночи, наполненные влагой и ветром, город превращался в большое заболевшее животное, безразличное ко всему, что происходит вокруг.

Но чем тоскливее становился осенний пейзаж, чем сильнее дул холодный ветер, приносящий болезни и черные облака, тем меньше Баев хотел весны. Он без труда вновь и вновь погружался в знакомое чувство тоски, пустоты и одиночества, потому что именно в такие минуты к нему возвращался его

спутник, советник и друг — его невидимый собеседник, которому он доверял свою боль, мечты и секреты. И это ощущение совсем не пугало Баева, наоборот, он все чаще старался вызвать его намеренно, разделяя с ним свои страхи и сомнения. Он давно придумал для себя объяснение, что внутреннее одиночество, даже скорее отрешенность, — это самый доверенный собеседник, уютное и последнее убежище, которое хранит, согревает, лечит, которое дает тепло и спокойствие, словно место в отдельной палате больницы, защищенной высоким забором. И еще Баев все чаще думал о сне, который стал приходить к нему, после времени, проведенного в Боровом¹. В той поездке он часто петлял по узким маленьким дорогам среди сосновых роц с их острым запахом смолы и хвои, где сухой и горячий воздух лениво трогал золотистые иглы, щедро рассыпанные по земле. Тогда посреди бесконечных заборов его внимание привлекли ворота, к которым часто выходил его путь. Они всегда были наглухо закрыты, а за ними еле виднелась тропинка, уводящая куда-то в глубь леса. Баеву часто снилось, что она ведет к уютному домику из серого камня. Деревянное крыльцо, два фонарика по бокам от двери с приколоченным ящиком для писем и тяжелой кованной ручкой, витражные окна, прикрытые желтыми вышитыми занавесками. А рядом с жилищем изящная скамейка под навесом, густо заросшим глицинией и плющом. И в этом сне, который приходил к нему снова и снова, он все никак не мог войти в те ворота, а когда ему наконец удавалось отпереть их, сон обязательно прерывался, чтобы вернуться снова через несколько ночей.

¹ Курортная зона и природный национальный парк в Акмолинской области Казахстана. Природа Борового — это сочетание гор, хвойных лесов и кристально чистых озер. — Прим. автора.

Глава 2

В квартире у Баева, как всегда по четвергам, собрались его друзья, чтобы поиграть в карты и обсудить последние новости. Тон разговору задавал Тимур Дусов, отставной военный пенсионер — живой, бодрый, поджарый, язвительный и очень противный. Он сильно сутулился, все время вытягивая шею немного вперед, говорил громко, часто притрагиваясь пальцами правой руки к кепке, которую, казалось, не снимал ни днем, ни ночью. Он занимался тем, что у него получалось лучше всего: давал беспощадные, разрушающие и уничтожительные характеристики всему, что двигалось, дышало или молчало. Его покойная жена считала, дерьмо находилось у него в голове, а не там, где следовало бы на самом деле.

Другой товарищ Баева, потомственный интеллигент Марат Скаков, тасовал карты. Он напоминал профессора или доктора из старых фильмов, часто гулял в одиночестве и не расставался с тросточкой, в ручке которой имелась емкость для согревающих напитков. Прежде Марат работал в издательстве, всегда был одет в чистую, но старую и очень поношенную одежду. Бесконечно добрый, самый скромный в компании, он при этом любил вкусно выпить и закусить за чужой счет, о чем тонко и деликатно намекал окружающим. Скаков только закончил рассказывать очередную восхитительную кулинарную историю об очередном ресторане, изысканном меню, шикарных угощениях, которые там подавали, и теперь с улыбкой посматривал то на карты, то

на брызжущего желчью пенсионера, время от времени покачивая головой. Скаков никогда не унывал, хотя жилось ему достаточно тяжело. Где-то в городе у него была дочь, которая его поддерживала по мере своих возможностей и сил.

У окна, положив бледные и нервные руки на спинку стула, стоял «поэт широких взглядов», как он сам себя назвал. Его звали Арсен, худой, высокий, весь творческий, утонченный вечно чем-то занятый сочинитель, в числе прочего обожавший писать письма друзьям и знакомым. К этому моменту ему исполнилось сорок пять. Деньги у него водились, но их происхождение было туманно: то ли постановки, то ли поклонницы, то ли стихи, которые иногда выходили в совершенно неожиданных местах. Он всегда внезапно исчезал и также внезапно появлялся. Любил философствовать, поговорить о высоком, все время выдавал банальности, и у него в голове вечно вертелись какие-то бредовые и фантастические идеи, которые, как это ни странно, также часто приносили деньги.

Еще один друг Баева, точнее двое друзей, читали книгу, развалившись на тахте, покрытой фиолетовым пледом. Одного звали Чанг, а другого Чунг. По идиотской прихоти судьбы так их назвали родители, которые скрылись в тумане истории, бросив свежее испеченных сирот у милицейского отделения и оставив им в наследство лишь бумажку с именами. Все свое детство сиамики близнецы провели в областном детском доме, потом был центр социального обслуживания, и все ступени для детей с инвалидностью. Затем проект «Ментор», где ребята показали прекрасные музыкальные способности и освоили скрипку, причем Чунг отвечал за игру на струнах, а Чанг за смычок. Позже государство выделило им маленькую однокомнатную квартиру,

в которой братья и проживали уже долгие годы. Сиамские близнецы были дицефалами, у них было одно туловище, две ноги, две руки и две головы. Они тяжело двигались, так как правая их нога была немного короче левой. Во время ходьбы им часто приходилось останавливаться, давая отдых слабым и плохо развитым мышцам. Чунг был тонким, глубоко начитанным, светлым добряком и считал своим призванием только музыку, а Чанг — острым на язык, вредным, насмешливым и крикливым, все время представлял себя крутым парнем с явными криминальными наклонностями. Чунг очень любил классическую и научную литературу, а Чанг предпочитал детективы.

— Так вот, — яростно жестикулируя продолжал пенсионер Дусов. — Этот мой ублюдочный сосед, так называемый инженер, на деле тупой и наивный негодяй. Несмотря на все свои степени и регалии, он, как оказалось, прост словно меню на три блюда в рабочей столовой. На первое у него хамство и невежество с пошлыми мыслями и намерениями. Я вчера масляной краской написал на его двери слово «тварь» и теперь с нетерпением жду ответной реакции.

— А откуда он узнает, что это написал ты? — с удивлением спросил интеллигентный Скаков.

— Да потому что все квартиры в нашем подъезде заняты такими бесхребетными копителями неба, как ты! Так что он быстро догадается, что только я и мог это сделать. Впрочем, он туп как чугунная сковорода, может, и не догадаться. Ну да ладно. Теперь. На второе — у него непостижимая, просто феноменальная способность гадить не только под себя, но и вокруг себя, а на третье — подлый и вороватый взгляд плюс мерзкая улыбка, которая просвечивает через скудный волосатый венчик.

Дусов достал носовой платок и начал громко, долго и густо сморкаться, потом засунул обратно в карман, сплюнул на пол и продолжил:

— А на десерт вы получаете пакостные проделки мелкого крысеныша в виде украденных в подъезде с подоконников растений, исчезнувших дверных ковриков и вынутых из почтовых ящиков газет. Он ядовитое животное, и, будь моя воля, этот экземпляр уже давно бы грелся под лампой в каком-нибудь террариуме.

— Ну-ну, не заводись, — мягко прервал его интеллигентный Марат. — Что ты все время перебиваешь всех косточки? Давайте лучше поговорим на нормальные темы: благородные напитки, изысканная закуска, хорошие рестораны...

— Да, да, давайте о другом! — вдруг заговорил Арсен. — Знаете, что я заметил? Наши горожане меняются вместе с развивающимся городом, и это понятно, но когда все меняется исключительно в плохую сторону, это сильно настораживает. В один момент я вдруг почувствовал, что наш город тихо оставила любовь. Нет, не в общем смысле, а в ее божественном, мистическом понимании. Когда женщина осознает свое великое земное предназначение, а мужчина это безоговорочно поддерживает. Теперь все волшебство свелось к унижительным попыткам со стороны мужчин установить гендерное равноправие.

— Вообще ничего не понял, — поправил очки интеллигентный Скаков. — Ты хотел сказать, что женщины пытаются установить гендерное равноправие?

— Нет, — мягко засмеялся Чанг. — Похоже, он говорит про некоторую часть наших современных и благородных алматинских мужиков. Я называю их — «половинка моя»

Чунг с удивлением посмотрел на брата.

— Про кого?

— Про «мою половинку», — повторил Чанг. — Это мужчины, которые готовы делить пополам со своей женщиной последний кусок хлеба. Как, впрочем, и счет в ресторане, и расходы на совместное проживание. Теперь они отстаивают эти свои мужские права, отказываясь полностью брать на себя бремя материальной ответственности. Ты же это гендерное равноправие имел ввиду, да, Арсен?

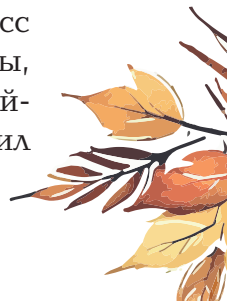
— Я не совсем то хотел сказать, но в широком смысле ты прав, — ответил Арсен. — Я сейчас больше думаю о...

— Опять банальщина и те же грабли: любовь, женщина, мужчина, — перебил поэта пенсионер. Он опять сплюнул на пол и вытер плевок тапкой. — Ты ходячий штамп, Арсен, недалекий и грустный! Хотя я всегда считал и считаю, что чем глупее и невежественнее поэт, тем лучше у него получаются стихи. Образование и прогресс убивают в нас биологическую основу, первозданный стержень основанный на инстинктах, который и есть источник бесконечного творчества. Хорошо пишутся рифмы, когда голову не обременяет груз знаний и прочая физика. Главное — чувства и эмоции. Я рад, что ты живешь по такому принципу, малыш. Меньше знаю — лучше сочиняю. Ха! Теперь про твои слова, полные страсти и огня. Любовь — это тупая биологическая зависимость, все остальное можете засунуть коту под сраку. Само понятие «любовь» еще в давние времена придумали бестолковые политики, чтобы простые люди не лезли наверх со своими идиотскими вопросами. Потом это понятие воспели кретины-романтики, а в массы продвинуло безмозглое племя поэтов, — пенсионер пристально посмотрел на поэта и опять сплюнул.

— Хватит плевать у меня в доме! — возмутился Баев. — В следующий раз попрошу на выход или заставлю убирать всю квартиру.

— Ладно-ладно, — примирительно сказал пенсионер и опять повернулся к Арсену. — В результате веками весь мир сходит с ума, хотя любовь уже давно стала грандиозным убудочным коммерческим проектом. Одних только праздников, посвященных ей, несколько десятков. И что у нас в сухом остатке? Пустые карманы и гадливое чувство, что тебя поймали и выкинули на помойку. Причем в физическом смысле тоже, потому что после всех этих ресторанов и магазинов, опустошивших твои карманы, предмет твоего тупого обожания исчезает за горизонтом, оставив тебя в горьких разочарованиях и сожалении о потерянном времени.

— Боже мой, — Чанг оторвался от книги Конан Дойля, которую читал все это время, — как закрутил, завертел! Какой-то нелепый поток мутных слов и фраз при отсутствии смысла. Словно кто-то награл в музее, а когда спросили, зачем он это сделал, так и не смог объяснить. То, что поэт — «капитан очевидность», мы все знаем, но у него хоть злобы нет. Чем спорить на все эти абстрактные темы, ныть или ругаться, давайте поговорим о темной, опасной, но прекрасной стороне нашей жизни. Я имею в виду то, что происходит вне закона. Вот где страсти, темные желания и настоящая жизнь. Например, сейчас читаю про Шерлока Холмса. Выскажу непопулярное мнение, но он скверный и неприятный тип. Сколько хороших людей посадил. Сколько уничтожил светлых голов, талантливых ученых, неординарно мыслящих умов! А сам циничный мошенник, нарцисс и доморощенный химик, использующий методы, тянущие на статью. При таком безумном коктейле у парня в голове, вне всяких сомнений, царил

сумасшедший дом. И после всего этого глупый читатель считает его самым талантливым сыщиком в мире! По идее любой здравомыслящий человек поймет, что этот лондонский персонаж — первый кандидат на тюремные нары. Меня с ним примиряет только то, что он тоже играл на скрипке.

— Да уж, — проворчал пенсионер, — знавал я одного такого же талантливого, упертого и крайне скандального человека, который мог произнести фразу «Увидимся в суде» аж на двадцати языках. А еще, если кто-то...

— Чай готов, — Баев прервал Дусова, поставил на стол чайник с чаем, пачку печенья и положил колоду карт.

Хозяин квартиры, Ролан Баев, сухощавый, расудительный, немного рассеянный пятидесятипятилетний мужчина, зарабатывал тем, что писал статьи для различных изданий, при этом оставаясь профессиональным дилетантом. Он мог строчить обо всем понемногу, начиная с кулинарии и заканчивая спортом, политикой и криминалом. Постоянной работы у него не было. Статьи его никогда не пользовались успехом, хотя писал он неплохо. При этом, у него имелся огромный архив со множеством важных и даже секретных материалов из различных источников, которые Баев кропотливо собирал всю свою жизнь. Но, как ни странно, он особенно этим не пользовался и вполне довольствовался своим положением. Поэтому и гонорары его были невелики — на жизнь и основные потребности хватало, но без изысков и особого комфорта.

При этом он был очень интересным и вдумчивым рассказчиком, остроумным и внимательным собеседником, что причудливо сочеталось с его внутренними многочисленными комплексами. Сентиментальный, мягкий, вежливый, он был настоящим

коренным алматинцем в хорошем понимании этого слова. В любом большом городе мира есть прослойка таких людей, для которых родной город — часть их внутренней жизненной философии, нравственная опора и настоящий центр мира.

— Арсен, ты говорил, что написал новое стихотворение, — Баев посмотрел на поэта, улыбнулся и подмигнул ему...

— Написал, — подтвердил Арсен. — Еще одна монетка в копилку под названием «Разноцветные камешки», мой первый сборник для детей.

— Послушаем? — улыбнулся Баев.

Дусов, застонав, откинулся на спинку стула:

— Опять унылая пора и прочее паскудство! Боже, еще и детям написанное. Не хотелось бы сегодня лечь спать с головной болью, вызванной этими очередными жалкими поползновениями на то, что некоторые называют поэзией.

— Ты сам понял, что сказал, старик? — влез в разговор Чанг. — Когда ты выражаешься этими своими завитушками, хочется взять табурет и долбануть тебя по тому, что некоторые называют головой.

— Да хватит вам! — Баев строго посмотрел на спорщиков. — Лучше послушаем нашего друга. Ну как, есть настроение почитать нам?

Арсен послушно достал из кармана блокнот, посмотрел на Баева и приготовился читать.

— Баллада о пауке, — он сделал долгую театральную паузу, чем вызвал ярость у пенсионера.

— Да начинай уже, страдалец, — проворчал Дусов, показав поэту кулак.

Баев еще раз строго посмотрел на пенсионера, кивком указав на дверь.

— Молчу, молчу! Стихи так стихи. Просто ненавижу эти дешевые жесты, кривляние и прочий набор фальшивых ухищрений.

Баев дружески кивнул Арсену и тот снова начал читать:

Вечер поздний и печальный.
Влагой пахнут облака.
Перекачивает камни
Одинокая река.
В небе струи звездопада.
Солнца луч, сверкнув, потух.
Гонит по тропинке стадо,
Торопясь домой, пастух.
Ветер чаще бьет по струнам,
Издавая тонкий звук.
И бежит походкой лунной.
В свое гнездышко паук.

Арсен посмотрел на притихших друзей и начал читать громче, постепенно повышая голос:

Ждут его паучьи дети,
Приглушив лампы свет.
Страшно им на этом свете,
Если папы рядом нет.
Думает паук о детях
И бежит вдвоем с рекой
По тропе при лунном свете.
Так короче путь домой.
И, спеша, попал под стадо.
Прозвучал чуть слышный хруст
Паучатам папу надо,
Ведь без папы домик пуст.

— Ох, — воскликнул Чунг, — как же так!

Поэт, недовольный, что его прервали, покачал головой и продолжил:

Спят на лавке паучата.
Только младший папу ждет...
Не придет к ним больше папа.
Папа больше не придет...

Арсен, аккуратно *спрятал* блокнот в карман и улыбнулся:

— Ну как вам?

Все немного замялись.

— Что это?! Это стихи для детей? — вдруг заорал ошарашенный пенсионер. — Ты хочешь читать это мальчикам в гольфах и девочкам с резинками на кудряшках? Что это вообще такое?

Пенсионер обвел округлившимися глазами каждого из присутствующих.

— Это «Разноцветные камешки»? Или как там он назвал это свое даже не буду продолжать что? Ты, кретин, хочешь читать такое детям? Папа больше не придет? Ты, романтическая сволочь, одним росчерком своей поганой ручки убил единственного кормильца огромной семьи! С ума сошел? И где в этом паршивом опусе мать? Где вечно беременная паучиха? Ты и ее убил? А-а, видимо, ты уколошил ее еще раньше, до стишков, прихлопнул, так же легко, как в туалет сходил! И даже не заметил, что там после тебя осталось. Нет, это не то, что ты подумал. Такое мелкое и круглое как у барана. Другое. Я тебе скажу, что осталось. Остались дети. Дети! Мне вообще не нравится этот чертов стих. Вот скажи, голубок, какая воспитательная роль в этой твоей так называемой балладе?

Вопрос Дусова повис в воздухе. Все молчали.

Арсен побледнел, даже вспотел немного, растерянно глядя на разъяренного пенсионера.

— Судя по тому, что тут наплел несносный старик, Арсен, сходя в туалет и сделав свое дело, оставил там детей. Какая странная логическая цепочка у некоторых в голове, — с легким смешком произнес Чанг.

— Ненавижу, когда порванный скрипичный смычок начинает тут петь про то, что не в состоянии понять, — важно заявил пенсионер. — Хотя твое

